

LIUDMIŁA SZEWCZENKO

Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, Polska

ludaliter@mail.ru

Ольфакционный код прочтения чувственных состояний в *Письмовнике* Михаила Шишкина

Известно, что одним из средств невербальной передачи информации, используемых в межличностной коммуникации, является язык запахов, изучением которого как системы занимается ольфакция¹. Светлана Махлина замечает:

В романе Патрика Зюскинда *Парфюмер* утверждается: кто владеет запахами, тот владеет сердцами людей. И это во многом соответствует действительности. Обоняние — самое интимное из человеческих чувств. Но очень запоминающееся. Запах помогает хранить воспоминания надежнее, чем зрение и слух. Человек способен распознавать больше оттенков запахов, чем звуков. Запахи играют огромную роль в нашей жизни. [...] Запахи прочно связаны с эмоциями и слабо — с логическим мышлением, речью. Яркие, насыщенные эмоциями воспоминания вызывают именно запахи².

Не случайно в русской литературе XX века такие мастера слова, как Михаил Шолохов, Владимир Набоков, Борис Пастернак, Константин Паустовский и ряд других при передаче интимнейших переживаний, чувств, ощущений героев, а зачастую и своего отношения к изображаемому, прибегали к широкому употреблению одоризмов. Не являются здесь исключением и произведения авторов первых десятилетий уже XXI века, в частности, роман Михаила Шишкина *Письмовник*.

Текст романа М. Шишкина *Письмовник* представляет собой свод писем, которые пишут друг другу разлученные войной двое влюбленных. В значительной мере он продолжает традиции, в русле которых происходило развитие русской эпистолярной прозы XX века, а также являет-

¹ О.А. Гулевич, *Психология коммуникации*, Москва 2007.

² С.Т. Махлина, *Ольфакция*, [в:] С.Т. Махлина, *Словарь по семиотике культуры*, Санкт-Петербург 2009, с. 399.

ся очередным подтверждением того, что в период активного увлечения литературой non-fiction рядом с «обычными» текстами из писем реальных, впоследствии при их сегрегации и публикации объявляемых литературными произведениями, растет интерес «к собственно эпистолярной литературе, то есть к фикциональной [являющейся „плодом авторского вымысла” — А.С.] переписке»³. При этом само письмо в данном случае выступает уже не как первичный (простой) «речевой жанр», а как «композиционная форма речи» уже во вторичных и более сложных в своих построениях «речевых жанрах», к которым относят «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры»⁴. Отличающиеся искренностью и представляющие по своей сути эпистолярные дневники, создававшиеся на протяжении нескольких месяцев героем и в течение ряда лет героиней произведения уже после гибели ее возлюбленного, письма Сашеньки и Володи воссоздают не только события их личной жизни, воспоминания о былом, но и эволюцию их взглядов на мир, осознание ими себя и познание ими в соприкосновении со смертью самой сути жизни и сути любви. Причем важную роль в них играет упоминание запахов.

Анна Скотница пишет, что «исходная ситуация в *Письмовнике* — это ситуация распада, разъединения, разлуки, а все повествование — о том, как люди, в том числе и читатели, преодолевают распад»⁵. Сам Шишкин подчеркивает, что для обоих героев письма — «единственная возможность остановить распад, разложение бытия. И читающий эту переписку становится тем самым звеном, которое соединяет разорванное время»⁶. Отметим: предшествующее распаду всего и вся в этом мире время обоими героями оценивается как время жизни в раю. Лето, дача и сад, где происходят свидания молодых людей, вспоминаются ими обоими как эдем, а в разлуке — потерянный рай. Его маркером выступает устойчивый запах цветов. Уже во втором своем письме Сашенька вспоминает и его, «и запахи из сада! Такие густые, плотные, прямо взвесью стоят в воздухе. Хоть наливай в чашку вместо заварки»⁷. Благоухающими ей представляются в воспоминаниях и запахи из сада соседей ее возлюбленного, у которых через забор видны

³ Н.В. Логунова, *Русская эпистолярная проза XX–начала XXI века: Эволюция жанра и художественного дискурса*, автореферат диссертации д-ра филол. наук, Москва 2011, с. 23.

⁴ М.М. Бахтин, *Проблема речевых жанров*, [в:] М.М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 239.

⁵ А. Скотница, *Мотив любви в «Письмовнике» Михаила Шишкина*, [в:] *Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья*, под ред. G. Nefaginy, Słupsk 2012, с. 309.

⁶ М. Шишкин, «Смерть, как жизнь, бессловесна». Интервью Н. Ивановой с писателем для «Time Out», № 35, 06.12.2010. Цит. по: А. Скотница, *Мотив любви в «Письмовнике» Михаила Шишкина*, с. 309.

⁷ М.П. Шишкин, *Письмовник*, Москва 2012, с. 12. (Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках).

«розы, огромные, тяжелые, кочанами. Под дождем еще пахучее» (с. 38). При этом подчеркнем, что запах живых цветов — маркер рая — с утратой последнего далее в произведении встречается только два раза, когда Володя на фронте вспоминает их парк и идущий «от цветущих лип после дождя не запах, а запашище!», а потом «сырой сочный запах из цветочного магазина — мокрые белые лилии и парная прелая земля» (с. 256), и несколько позже, во время ливня, — как «в приоткрытом окне сад шуршит. Промокшая сирень пахнет особенно, по-дождливому» (с. 395). И здесь примечательно, что в его воспоминаниях, в отличие от воспоминаний Сашеньки, фигурируют не розы, запах которых считается непревзойденным аттрактантом и ассоциируется с любовью, жизнью и всем тем, что есть знаком расцвета, цветения и красоты, а навевающий тоску и одновременно предвосхищение перемен «кислородный»⁸ запах прелой земли, а также лилии и сирень, главным ингредиентом одурманивающего аромата которых является индол⁹, сообщающий запаху ноту гнили и разложения — ноту знаковую в контексте картин, представляющих гибель людей на войне. К тому же сирень герой вспоминает как раз накануне своей гибели, как бы у райских врат обители уже неживых.

Анализируя *Письмовник* Шишкина, Анна Скотницка справедливо замечает:

На первый взгляд, роман изображает сентиментальный вариант любви-эроса — неисполненной и несчастной. Но на самом деле — это любовь между девушкой и юношей, продолжающаяся вопреки ходу времени, разлуке и смерти героя. Прием переписки мертвого юноши и живой девушки в этом контексте выявляет, ставит перед читателем и сильно подчеркивает тот факт, что для любящих мир является единым, он может ощущаться как единое целое¹⁰.

Как единое целое чувствуют себя и герои в разлуке, поверяя друг другу самое сокровенное. Так, рассказывая в отправляемых возлюбленному письмах о себе самой, героиня признается: «Я вообще человек всего, что можно потрогать. И понюхать. Понюхать даже больше. Как в книжке, которую папа читал мне в детстве перед сном» (с. 15). Там были разные люди, среди которых и те, «[...] которые живут только запахами плодов. Когда им надо отправиться в дальний путь, то они берут с собой эти плоды, а если почувствуют дурной запах, умирают. Вот это про меня» (с. 16).

Остро чувствуя запахи, воспринимая их как «аромат жизни», Сашенька уверена, что «все живое, чтобы существовать, должно пахнуть» (с. 16). Размышляя о том, что все великие книги, картины — о вечности, хоть и представляют какой-то ее миг, героиня думает о том, что их авторы «выбирают разные прекрасные мгновения, но разве не страшно остаться вот так,

⁸ С.Т. Махлина, *Ольфакция...*, с. 401.

⁹ Там же.

¹⁰ А. Скотницка, *Мотив любви в «Письмовнике» Михаила Шишкина...*, с. 310.

вечным, фарфоровым — как пастушок все тянется поцеловать пастушку. А мне, — пишет она возлюбленному, — ничего фарфорового не нужно. Нужно все живое, здесь и сейчас. Ты, твоё тепло, твой голос, твоё тело, твой запах» (с. 17). И упоминание именно запахов всего того, о чём она пишет возлюбленному, в её письмах становится доминантным для передачи интимнейших чувств.

Примечательна сцена, которую Сашенька описывает в письме ушедшему на войну Володе. В один из дней он уехал из дачного поселка в город, и она признается:

Ты сейчас так далеко, что совсем не страшно сказать тебе одну вещь. Ты знаешь, я ведь тогда на даче приходила к тебе в комнату, пока тебя не было. И все нюхала. Твое мыло. Твой одеколон. Кисточку для бритья. Ботинки понюхала изнутри. Открыла твой шкаф. Нюхала свитер. Рукав рубашки. Воротник. Поцеловала пуговицу. Наклонилась над твоей кроватью. Поднесла нос к подушке. Я была так счастлива! Но этого было мало! Для счастья нужны свидетели. По-настоящему можно чувствовать себя счастливым только получив какое-то подтверждение, и если не взглядом, не прикосновением, если не присутствием, то хотя бы отсутствием. Подушкой, рукавом, пуговицей (с. 17–18).

И именно сохранившиеся в его вещах запахи как субститут самого его убеждают ее в том, что Володя не есть ее вымысел, подтверждают, что он — настоящий. Представляя возлюбленного обнаженным, мысленно целуя его глаза и горя желанием «провести кончиком языка, как тогда», по его «шовчику», который тянется у него «там, внизу, от и до», она тут же вспоминает: «Где-то прочитала, что самые пахучие части тела ближе всего к душе» (с. 23).

Известно, что «восприятие запахов зависит от мотивировки. Главная — эротическая»¹¹. Поэтому все, даже неприятные запахи у любимого — героине приятны. В письме к нему как признание близости и доверия она вспоминает: «Ты только что из поликлиники, со свежей пломбой в зубе — запах зубного кабинета изо рта. Разрешил мне потрогать пломбу пальцем» (с. 18). В то же время описания героиней своих, или относящихся к ней самой запахов чаще всего лишены положительных коннотаций. К примеру, ей помнится, что ее мокрый купальник «пах тиной» (с. 20). В интимных местах, вырабатывающих большую часть феромонов и аттрактантов, у нее не ароматы — «мокроты, миазмы, бактерии» (с. 22). Конкретика же в названиях запахов появляется, когда речь идет о чем-то эмоционально нейтральном. Так, вспоминая об отдыхе с родителями на побережье, она замечает, что когда всей семьей стали спускаться к морю, «дохнуло [...] в нос солью, водорослями, нефтью, гнилью, простором» (с. 46). Бытовые запахи

¹¹ С.Т. Махлина, *Ольфакция...*, с. 399.

фигурируют в письмах Сашеньки, когда она пишет об институте, в котором работает ее подруга Янка: «[...] отовсюду запах краски, вонь из уборных» (с. 95), — замечает она.

Автор выстраивает свое произведение так, что в письмах к Володе Сашенька не высказывает прямо своего отношения к родителям, друзьям и знакомым. Показателем ее чувств к ним служат упоминания о восприятии ими запахов, о запахах им присущих или отсутствии оных, их беглая эмоционально окрашенная характеристика. Так, мать Сашеньки, женщина строгая, «у которой все правильно в жизни» (с. 69), — ничем не пахнет и запахов посторонних не переносит. На зло ей, Сашенька будучи школьницей начинает курить. Мать же, когда она приходит с улицы, всегда устраивает проверку: «Не говорит „Подыши!“ — нет, понимает, что после конфетки никакого запаха уже нет. Нюхает руки. Одежда, волосы пропитаются табаком, если кто-то рядом курит. А вот руки — только если самой держать сигарету» (с. 82). Сашенька долгое время не может простить матери того, что та изменяла отцу с его другом. В течение многих лет перед ее глазами стояла картина, когда, придя домой, она застала мать затягивающей на голом теле китайский халатик с драконами, а в прихожей был запах его одеколона. Лишь спустя годы, уже пережив смерть возлюбленного и еще не одно испытание в жизни, Сашенька ей прощает все. До последнего дня она ухаживает за умирающей от рака пожилой женщиной. И здесь примечательно то, как Сашенька описывает Володе свои чувства, когда той не стало. Передавая нюансы своих переживаний в их эволюции, она, акцентируя обонятельные впечатления, пишет: «Когда собирала маму, подушила тело ее духами и положила флакончик в гроб» (с. 346). И далее: «Когда я наклонилась над ней, перед тем, как закрыть крышку, я понюхала ее в последний раз — аромат духов смешался с запахами обивки гроба, снега, костра, цветов, мертвого тела. Но все это не было запахом мамы» (с. 348). Уже после похорон, перебирая мамины вещи, героиня «нашла ее китайский халатик с голубыми драконами — скомкала его, окунула в струящийся шелк лицо, но он пах только старой стиркой» (с. 350).

К отцу у Сашеньки совсем другое отношение. Любя его, она любит все связанные с ним запахи, а когда он «стал полярным летчиком», ей больше всего нравилось, «как восхитительно пах кожей его долгополый черный реглан!» (с. 54). После развода родителей Сашенька была с отцом в разлуке, но когда его свалил инсульт, именно ей пришлось заботиться о нем. И здесь мы видим, как в передаче картин ухода за ним Сашенька, волею автора, избегает прямых описаний сопутствующих недугу зловонных запахов (ведь они относятся к любимому человеку) и как бы «перекрывает» их запахами с коннотацией для нее положительной. Она пишет: «Один раз убираю за ним разлившееся по простыне содержимое желудка, меняю постель. Мор-

щусь от вони [...]» (с. 383). Чтобы отвлечься, она вслух вспоминает все ей дорогое, «чудесный запах кожи, когда он был полярным летчиком» (с. 384), и именно об этом она сообщает Володе.

В романе М. Шишкина *Письмовник* именно ольфакторные впечатления играют решающую роль в выборе героиней объектов своей любви. Вспоминаая приходившего к ним в дом мужчину, который, как оказалось потом, был любовником ее матери, Сашенька признается Володе: «Я влюбилась в него без памяти. Когда он был в гостях, я незаметно выскальзывала в прихожую, чтобы понюхать его долгополое пальто, белое кашне, шляпу. Он пользовался каким-то незнакомым одеколоном — запах был восхитительный, терпкий, мужской» (с. 71). После же его «отповеди» ей и после того, как он послал ей выдернутый у него накануне зуб, чтобы отвалить ее от себя, она прогуливает школу, и в ее памяти остается только «запах горелой урны» (с. 74) как знак ее погранных чувств и — как «наложение» на него — уже по приходу домой «знакомый запах в прихожей» его одеколона.

Нам неизвестно, как познакомились Сашенька и Володя, мы знаем только о пережившей смерть одного из героев любви. Узнав о гибели Володи, но продолжая ему писать, Сашенька долгое время и себя ощущает умершей. Возрождение же ее к новой жизни М. Шишкин показывает, снова-таки прибегая к акцентам на так или иначе ею воспринимаемых и влияющих на нее разных запахах. К примеру, она заставляет себя встать с постели только когда начинает слышать, что «из мусорного ведра уже попахивает» (с. 114). Позднее, весной, наблюдая в саду за «распаковкой» скульптур, заколачиваемых на зиму в ящик, как в гроб, Сашенька, сравнивая себя до этого с одной из них, вдруг чувствует, что уже успокоилась. На одной из аллей к ней подбегает спаниель и нюхает ее, а сама она слышит, как на нее «дохнуло вкусной собачатиной. Потом появилась девочка с поводком» (с. 118) и Янкин профессор-художник Чартков, а спустя пару дней Сашенька оказалась в его мастерской. В письме Володе она рассказывает о собаке Доньке и о том, что теперь от ее рук «стало вкусно пахнуть псиной. А в мастерской все пахнет краской, скипидаром, углем, деревом, холстами» (с. 127); полы в брызгах краски, «в грязной мойке немытая посуда. По углам мышинные горошки» (с. 127). Везде запустение. Причем этот контраст запахов — спаниеля как знака живого, природного гармоничного и самой жизни, и мастерской как чего-то ненастоящего и не совсем чистого — становится определяющим в ее отношениях с Чартковым, в которых естественное и искусственное выступают координатами подлинного и ненужного, мнимого. И здесь примечательна предваряющая их совместную жизнь сцена в ресторане. Чартков, еще не разведясь с первой женой, делает Сашеньке предложение, и она, кивнув в ответ, выходит в туалет. В письме Володе она признается:

Мыла руки и думала: «Что я делаю? Зачем?» Тут вошла какая-то женщина, лет под сорок. Стала подводить глаза. И бормочет:

— А я не хочу брать себя в руки!

Потом стала душиться: прыснула из флакона вверх и встала под это облако (с. 143).

Женщина, глядя в зеркало, вероятно, прочитала в Сашенькиных глазах, что ей «уже не поможет никакая на свете помада». Ее «аромат» (в данном случае — чувства) и отчаяние передаются с такой же как у нее безнадежностью погружающейся в водоворот новой и «не ее» жизни уже беременной Сашеньке. Героиня вспоминает, как вернулась к столу:

От меня пахло ароматом той, из туалета, и он захотел сделать мне подарок, после ресторана пошли выбирать духи. В магазине он перепробовал, наверно, все, что там было. Брызгал мне на запястье, задирает рукава, а когда на руках кончилась свободная кожа, на шею, потом уже и себе — и каждый раз морщился и говорил, что это запах не мой, а какой-то чужой женщины. Так ничего и не выбрал. А я шла по улице как в толстой шубе из запахов, и меня начало тошнить (с. 144).

Брак с Чартковым спасает Сашеньку от одиночества, но счастья ей не приносит. Автор нам намекает на это тем, что запахи самого Чарткова героиней в письмах не упоминаются, и это можно расценивать как знак того, что он ей «не родной». В ее память западают лишь слова Ады, первой жены Чарткова о том, что он неопрятен, разбрасывает везде свои вещи:

Но главное — носки. Это же не мелочи, это метки. Люди ведут себя, как животные, только не могут вспомнить — почему. Люди метят свою территорию запахом из ног, оставляя след. Все животные это понимают и ходят босиком. Вот Донька любит положить морду на ноги или тапки, и запах хозяев приятно щекочет ноздри (с. 234).

Сама Ада замечает измены мужа, когда в его мастерской слышит «чужие запахи» (с. 228). Сашеньке она признается, что всегда «боялась его обнюхать» (с. 231). Подтверждением же того, что восприятие запахов всегда контекстуально, а воспоминания о них воссоздают определенные настроения и переживания, является рассказ Ады о том, как однажды Чартков в гневе чуть не облил ее кипятком из чайника — вылил воду в горшок с алоэ. «Потом выкинула вместе с горшком в помойку, вынесла ведро, а запах обваренного алоэ на кухне еще стоял» (с. 234), — вспоминает она.

Михаил Шишкин выстраивает в романе своеобразную типологию находящихся в оппозиции запахов приятных, естественных и передающих саму суть, аромат и правду жизни, и — запахов, вызывающих отрицательные эмоции, ассоциируемых с тем, что «дурно пахнет» в прямом и переносном смысле, подразумевающих негативную этическую и эстетическую оценку всего, что с ними связано (включая и случаи, когда тот или иной аромат, «объективно» маркирующий благоволение, выявляет себя в его восприятии персонажем как маркер того, что им начисто отвергается). Так, для Ады, первой жены Чарткова, ухаживающей за недавно родившейся дочерью, да-

же то, что «от клеенки несет мочой» и «молоко сбежало» (с. 233), — приятно: счастье естественной человеческой жизни не может в себя не включать всех идущих от самого естества, от самой человеческой природы запахов. Это очень хорошо знает и Сашенька. После того, как Чартков ушел от нее снова к Аде, она, тоскуя по своей несостоявшейся семье, находит успокоение у Янки, где везде «стопки чистых пеленок, от которых пахнет лавандой [...]» (с. 295). Там она часами ходит с Янкиным малышом на руках, а придя домой, пишет Володе: «ласкаюсь к этому крошечному существу, остро пахнущему молоком и мочой» (с. 298). Старший же Янкин сын от Сашеньки отодвигается: «У тебя плохо пахнет изо рта» (с. 298), — заявляет он. У героини, действительно, проблемы с желудком, однако в тексте подобный запах — знак не только ее физиологического состояния, но и знак того, что в ее жизни, поступках не все идеально. Ведь упоминание об этом запахе появляется, когда Сашенька, спасаясь от одиночества, соглашается выйти за Чарткова, ждет от него ребенка, но происходит выкидыш, и она так и не утешается материнством, а также когда она «примеряет» к себе роль Янки в ее семье. Как человек «с дурным запахом изо рта» (с. 227) характеризуется и отец Чарткова, не умеющий из-за гордыни простить своего сына. В тексте также упоминается о том, что от очередного Янкиного любовника-музыковода, который непрочь ей и изменить, «всегда несло потом с гнильцой» (с. 333). Когда он пытается Сашеньку поцеловать, та ему дает отповедь, а в письмах Володе не забывает заметить: «Про запах я промолчала» (с. 335). Из писем мы узнаем также, что когда Сашенька согласилась остаться на ночь у некоего «звездочета», решающими для нее были им посылаемые обонятельные сигналы: «Ноздри вспомнили дразнящий запах одеколона» (с. 308). Однако утром она поняла, что он ей чужой, и отправляемые им ей ольфакторные послания ее уже не соблазняли.

Примечательно, что для показа процесса очищения Сашеньки от всего ей чужого и чуждого М. Шишкин в *Письмовнике* прибегает к символике запахов, обращаясь при этом и к мифопоэтике их составных. Речь в данном случае идет о так называемом «кислородном» запахе снега как кристаллической формы воды. Вода как знак хаоса, природная стихия с ее андрогенностью и амбивалентностью, как известно, равняется порождающему лону и одновременно могиле, а мифологема воды традиционно связывается с возрождением и переходом в новое состояние. Снег, соединяющий небо и землю, очищающий Сашеньку от наносного, обозначающий переход из одного мира в другой и приближающий героиню к уже ушедшему в небытие Володе, точнее — не сам снег — его запах, впервые упоминается, когда она наклоняется над гробом матери. Снег ничем не пахнет, когда героиня, узнав о гибели возлюбленного, чувствует себя мертвой и когда встречает Чарткова. Однако спустя годы все как бы становится на свои места. Она пишет: «Иду и шалею от свежего чистого запаха. День от этого запаха тоже

ошалел, будто забыл роль и несет отсебятину. И весь город какой-то одуревший» (с. 396). И далее: «Так здорово, что зима и снег! Особенно снег! Пришел все пересотворить» (с. 397). Во всем мире — снег: «Дышать от него легко, вкусно» (с. 401). Решила, что слепит себе дочку из снега: «Чудесная получилась девочка!» (с. 401). «Грею ей ножки и рассказываю, что есть такая страна, в которой живут люди с одной ногой, [...] а еще там есть люди, которые живут только запахами плодов, и если отправляются в дальний путь, то берут с собой эти плоды и нюхают» (с. 401), — пишет она Володе. Дочь играет с невидимым существом, кормит его, «а когда он заболит, лечит его особым лекарством — запахом шоколада, который у нее хранится в большой коробке из-под новогодних конфет» (с. 407–408). После купания дочка спит: «И такая у нее душистая макушка, пока не пристали к ней другие дневные запахи!» (с. 403). Запах снега очищает весь мир от скверны: «Идем мимо помойки, обычно тут стараешься бегом, но сейчас запахи и те замерзли» (с. 405). А когда Сашенька с дочкой едут в трамвае, в вагон входит давно уже умерший отец и рассказывает, как ему в детстве купили «не галоши, а праздник! Внутри малиновая нежная байка! И так вкусно пахнет резиной!» (с. 408). И впереди, — знает Сашенька, — вечность и встреча с возлюбленным.

Письма, которые пишет Володя, и похожи, и отличаются от писем Сашеньки. Для передачи своих состояний и чувств он, как и Сашенька, волею автора, часто в них обращается к обонятельным впечатлениям. Так, вспоминая о матери, он пишет, что в детстве «очень любил прокуранный запах ее вещей. Она курила какие-то особые пахучие папироски» (с. 245). Для его матери в молодости был очень важен запах ее избранников. О том, кого Володя считал отцом, она говорила с пренебрежением: «[...] неухоженный, помятый, пахнет простым мылом» (с. 274). Не любя его, она вышла за него замуж, когда забеременела от другого. Володя же к нему равнодушен, и он для него лишен всяких запахов. Второй муж матери, отчим, был Володе «отвратителен с самого начала» (с. 86); «И запах! [...] От него шел тяжелый густой дух большого потеющего тела» (с. 87). Он был слепым и собирал монеты: «После его рук от монет шел кисловатый металлический запах» (с. 249). Однажды отчим принес «две картошины с дурманящим шоколадным ароматом», которые так хотелось съесть, но Володя пошел в уборную и «спустил их в унитаз» (с. 88).

В письмах Володи с фронта четко прослеживается оппозиция запахов приятных и ассоциируемых с тем, что «дурно пахнет» в прямом и переносном смысле. Еще перед отправкой на фронт он слышит рассказ военврача о том, как однажды привезли старого бомжа: «Вонь, грязь, вши, гной» (с. 10). Но тот им не побрезговал, стал его обмывать и успокаивать тем, что теперь он уже отдохнет. Володю также не отпугивают на войне сами по себе грязь, смрад и кровь. Невыносимы, дурно для него пахнут, прежде всего,

дурные, безнравственные поступки. Однажды у него украли пилотку, и он пишет Сашеньке: командир

[...] затопал ногами и пообещал, что я буду мыть сортир до скончания веков. — Языком вылижешь, падла! — Так и сказал. [...] Короче, я ему:

— Да где ж я возьму вам пилотку?

А он:

— У тебя сперли, пойд и ты сопри!

И вот я пошел переть пилотку. [...] И вот ходил-бродил. И вдруг подумал: кто я? Где я? И пошел мыть сортир. И во всем мире появилась какая-то легкость. Нужно было здесь оказаться, чтобы научиться понимать простые вещи. Понимаешь, в говне нет ничего грязного (с. 14–15).

Бинарную оппозицию составляют в посланиях к Сашеньке также выстраиваемые в своеобразную типологию запахи мирной, естественной жизни и — запахи чуждые жизни: старения, смерти, войны. Акцентируя свои ольфакторные впечатления от происходящего, Володя признается, что порой не может понять, откуда взялись окружающие его люди: «Почему я сейчас в этой отсыревшей и прокуренной палатке с ними [...]. От них разит ханьшином» (с. 353). Воссоздавая «бытовые» запахи войны, в одном из писем он упоминает, что идут дожди, «постирали, а сушить негде — теперь все развешано по палатке и пахнет гнилью» (353). В другом — что его приятель спит на китайской подушечке, набитой особым чаем, аромат которого «очень полезен для глаз» (с. 161). Когда солдаты чистят винтовки, он улавливает «запах смазки» (с. 152). Моют лошадей, и Володя замечает в письме:

Тихо сейчас, ветерок с той стороны, пахнет лошадьми, их потом, мочой, но все это на самом деле такие человеческие приятные запахи! Это от людей здесь исходят отвратительные животные запахи, а от животных — наоборот. [...] Прошелся немного. Посмотрел на лошадей [...] Дышат на меня своим вкусным животным духом (с. 186–187).

Пишет он и о том, что солдаты порой, не подумав, устраивают уборные прямо у лагеря, «и от них идет по ветру невероятная вонь» (с. 153). Нюхая же из любопытства маску с хлороформом, которую накладывают раненым при ампутациях, он отмечает, что от нее идет «безвкусный, тепловатый, пахнувший резиной воздух» (с. 159).

Остро чувствуя запахи чужой страны, Володя, оказавшись в Таку, сразу же замечает, что «краски, запахи, голоса, растения, птицы — все здесь другое» (с. 110). Выстраивая волею автора в продолжение традиций Оноре де Бальзака, Виктора Гюго, Эмиля Золя и других классиков в своих письмах так называемые обонятельные пейзажи, он пишет, что уже с берега шел «теплый ветерок и приносил какие-то новые неузнаваемые запахи» (с. 112). Однако их «перекрывает» смрад войны. Над Тонгку, — пишет он, —

[...] всю ночь стоит зарево. В воздухе запах гари. Говорят, что жители сами поджигают свои дома, но обвиняют в этом иностранцев, чтобы вызвать к ним еще больше

ненависти. [...] Знаешь, что больше всего страдает? Нос. И сейчас в воздухе носится отвратительный запах горелого камыша и еще какой-то непривычный привкус ветра, от которого подташнивает. Мне кажется, я уже научился различать эту особую приторную вонь (с. 113).

Володя замечает разницу позитивного и негативного восприятия одних и тех же запахов представителями разных культур. Сашеньке он рассказывает о том, что когда индийские сипаи готовили пищу, «[...] на улицы текли ручьи зловонного человеческого содержимого, но солдат с тюрбанах это не смущало [...], он же с приятелем «должны были зажать носы, чтобы проскочить поскорее мимо» (с. 184).

Герой пишет Сашеньке о том, что с ходом военных событий смрад все усиливается. На дороге вдоль реки Пейхо «повсюду лужи загнившей воды, и ужасная вонь поднимается со всех сторон. Следы извержений испорченных желудков повсеместны» (с. 372). И далее: «Глотаем мутную душистую жидкость — китайский зеленый чай. [...] Москиты, духота, одуряющие испарения из луж и канав» (с. 373). Впрочем, неприятными для героя становятся вскоре и запахи, связанные с ним самим и с его товарищами по оружию. «От всех несет плесенью, потом и ввевшейся грязью. Мой собственный запах мне невыносим» (с. 375), — сообщает он Сашеньке.

Одним из зловоний, упоминаемый в письмах Володи с фронта, является смрад смерти. Увидев копающихся на пожарище в каких-то поленьях свиней, герой сразу понимает, «что это обугленные трупы», и от всего этого идет «ужасная вонь» (с. 317). Местные крестьяне убирают убитых, «заткнув себе ноздри пучками травы» (с. 316). Умерших в лазарете, вспоминает он, «[...] хоронили в мешках. Солдаты несли мертвецов и прятали носы в фуражки» (с. 137). Замечая, что все мертвые «похожи друг на друга», Володя тут же добавляет:

И запах одинаковый. Не запах, конечно, а вонь. Смрад. Самый противный запах на земле. Ты знаешь, сколько я в жизни видел мертвых рыб, птиц, зверей, но такой вони, как от человеческих трупов, никогда не было.

И привыкнуть к этому запаху невозможно. И не дышать нельзя.

По сравнению с этим фекальные ароматы с примесью извести, которой забрасывают ямы с нашим содержимым, кажутся ерундой. Или запах гнойных бинтов в перевязочной.

А запах соломы, пропахшей лошадьми, вообще хочется втягивать в себя, чтобы заглушить запах пота и грязных тел (с. 255).

В письмах к Сашеньке Володя вспоминает свое детство и пожилую соседку, от которой шел «неприятный старушечий запах» (с. 142). Помнит он и увиденную на похоронах бабушки «кладбищенскую будку с дыркой в полу». Там, в этой ветхой уборной, стоя над ней, напомнившей ему могилу, он впервые остро почувствовал, что «смерть — это настоящее, такое же настоящее, как эта вонючая смрадная дырка» (с. 172). В отрочестве, пытаясь понять «кто он?» и «зачем?», Володя презирал себя, свое тело, которое,

как ему казалось, тянуло его в могилу. Умом он понимал: мудрецы правы, утверждая, что надо «жить настоящим, радоваться минутному, преходящему» (с. 214). Однако учиться этому он лишь на войне. А тогда он чувствовал только, что его «тошнит от самого себя [...]». Тошнит от куцега, убогого прошлого [...]. И особенно тошнит от будущего [...] — это ведь дорога в ту смрадную дырку в кладбищенской уборной. А до этой дырки — зачем все?» (с. 215). Но когда он подходил к краю ненависти к себе, когда уже думал, что можно взять у отчима бритву и кончить все, он вдруг начинал слышать какой-то гул. Сашеньке он пишет:

Все это *не я* начинало отзываться, гудеть в ответ, признавать меня своим. [...] Все вокруг делалось моим, радостным, съедобным! Хотелось ощупать, внюхать в себя, попробовать на язык и обои, и потолок, и занавески, и город за окном! [...] В те минуты я только и жил. [...] В какой-то момент я остро ощутил связь: мерзлую вселенскую пустоту, из которой я не могу выкарабкаться, может заполнить только то чудесное гудение, шелест, рокот, прибой слов (с. 216).

И далее:

Мне открылось то, что было закрыто для незнающих. Мне открылась сила слова. По крайней мере, тогда так казалось. Через меня замкнулась очень важная цепь, может быть, самая важная, которая шла от того реального человека, пусть потливого, с дурным запахом изо рта, левшой, правшой, мучимого изжогой, неважно, но такого же реального, как ты и я, который написал когда-то: «В начале было слово». И вот слова его остались, а он — в них, они стали его телом. И это единственное реальное бессмертие. Другого не бывает. Все остальное — там, в яме с кладбищенскими испражнениями (с. 217).

Автор показывает, что только когда Володя понял, что «на вопрос *кто я?* ответа не существует, потому что нельзя знать ответ на этот вопрос, можно только быть им» (с. 219–220), ему «захотелось быть», и он сжег все написанное. Только на фронте он осознал, что видел слова, а не сквозь них саму суть. Суть же открывается перед Володей, когда он вдруг остро чувствует, что правда жизни — и есть сама жизнь, ее дух и ее красота, совершенно к тому же неотделимые от ее ароматов. В письмах к Сашеньке он вспоминает, как однажды перед ним в трамвае села девушка «с удивительными волосами — целый ушат каштановых волнистых волос. И такие пахучие!» (с. 213–214). Он отмечает, что «со временем запахи, которые запомнил когда-то, не слабеют, а становятся сильнее» (с. 256). Как и для большинства людей, ему, уже взрослому, так называемые «кондитерские запахи» напоминают детство. Погружаясь в память о нем, он пишет: «Вот наша кондитерская — ваниль, корица, шоколад. Безе, марципан. Эклеры. Зефир. Пастила. Сливочные помадки. Халва. Мои любимые пирожные-картошки» (с. 256). И далее:

Запахи из раскрытых окон — свежемолотого кофе. А тут жарят рыбу. А там убежало молоко. Кто-то присел на подоконнике и чистит апельсин. А вот варят клубничное варенье.

Пахнуло утюгом, горячей материей, гладильной доской, паром.
 Делают ремонт — краска остро щиплет ноздри.
 А теперь пахнет кожей — обувью, сумками, ремнями.
 Потом парфюмерный — благовония духов, кремов, одеколонов, пудр.
 Рыбный. От рыбин на крошечке льда тянет свежим, морским.
 Механические мастерские — запах ржавчины и смазки, керосина, машинного масла.
 Из киоска на углу веет типографской краской, свежими газетами.
 А кто-то вышел из котельной, и от него разит потом, мешковиной, углем.
 Из булочной валит теплый вкусный аромат свежее испеченных булок.
 А это аптека! Как по-больничному пахнет аптека!
 А еще дальше варят битум, кладут асфальт. Все заглушает сильный запах горячей смолы.

Так бы шел без конца и нюхал, нюхал (с. 256–257).

В этом своеобразном ольфакторном пейзаже дано восславление жизни во всем ее многообразии и красоте. Нам он явно напоминает *Соответствия* — четвертый сонет в книге Шарля Бодлера *Цветы зла*. Как и для поэта-символиста, для Володи царство запахов мирной жизни является территорией благодати, красоты и высвечивает его устремления к жизни и сам смысл жизни. Если до ухода на фронт герою казалось, что «жить уродом или калекой — несчастье. Никчемная бессмысленность червя. Быть в обузу себе и всем кругом — зачем?», то уже в преддверьи смерти ему хочется жить «как угодно. [...] — калекой, уродом, неважно! Жить!» (с. 265). И, принимая его у врат царства уже *вечной жизни*, «горластого, благоухающего, нетленного», «господин господствующих и повелитель всех повелителей» не случайно напоминает ему взять с собой самое дорогое и в том числе «[...] запахи! Разве можно забыть запахи! Помнишь, сладкий дух из кондитерской? Ваниль, корица, шоколад, твои любимые пирожные-картошки» (с. 411), — и значит взять с собой в самую *Вечность* — всю *Жизнь*.

Роман Михаила Шишкина *Письмовник* отличается тонким психологизмом. Акцентируя обонятельные впечатления своих героев, прибегая к ольфакторным пейзажам и к образам-символам тех или иных запахов, прозаик значительно расширяет диапазон изобразительно-выразительных средств, помогающих передать мир их переживаний и чувств. Ольфакционный же код прочтения упоминаемых в письмах Володи и Сашеньки чувственных состояний и подсознательных неприятий, желаний и предпочтений для нас делает очевидным то, что скрывается между их строк. И все это свидетельствует о писательском мастерстве Михаила Шишкина как прозаика.

Olfaction code of reading the sensuous conditions in Mikhail Shishkin's *Letter Book*

Summary

Olfaction is the science about the language of scents, of the meanings conveyed through scents, and the role of scents in communication. The use of olfaction code in reading M. Shishkin's *Letter Book* explains anew its meaning and helps to comprehend more deeply the dynamics of contradictory feelings of its heroes driven by the thirst for life, love, living suffering and the approaching of death.

Keywords: olfaction, sense of smell, symbolism and types of scents, code of reading, senses, intentions

Olfakcyjny kod interpretacji uczuć i przeczuc w utworze *Księga listów* Michaiła Szyszki

Streszczenie

Olfakcja to nauka o języku zapachów, o intencjach przekazywanych za pomocą zapachów oraz roli zapachów w relacjach międzyludzkich. Wykorzystywanie kodu olfakcyjnego w procesie interpretacji utworu Michaiła Szyszki *Księga listów* w nowatorski sposób ukazuje intencje autora i pomaga w rozszyfrowaniu dynamiki sprzecznych uczuć, które przeżywają bohaterowie napędzani żądzą życia, miłością lub przeczuwający bliską śmierć.

Słowa kluczowe: olfakcja, sygnały zapachowe, symbolika i typologia zapachów, interpretacja